
ЧЕЛОВЕК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ТЕХНОНАУКА, ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНОСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ*

Б. Г. Юдин

Один из главных векторов, которыми можно охарактеризовать направленность развития науки (да и техники) в эпоху глобализации, – это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В результате происходит, если можно так выразиться, все более плотное «обволакивание» человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и обустраиваемый для него наукой и техникой. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека. Наука и техника приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и его же самого. В самом буквальном смысле это делается в некоторых современных генетических, эмбриологических и т. п. биомедицинских исследованиях¹.

Симптомы этого изменения вектора развития науки вполне ощутимы не только внутри исследовательских лабораторий, но и на уровне ожиданий и предпочтений общества. Можно констатировать, что спектр ожиданий, предъявляемых науке со стороны общества, серьезно трансформировался. Параллельно с этим меняются и ориентиры государственной научной политики. Отныне от научных исследований все больше начинают требовать того, чтобы их результаты позволяли удовлетворять запросы общества и потребности человека.

Происходит переориентация финансовых потоков, направляемых на поддержку науки, при этом все больше средств выделяется на биомедицинские исследования. Так, в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия в США перед исследователями стали ставить такие амбициозные цели, как победа к заранее заданному сроку над онкологическими или сердечно-сосудистыми заболеваниями. И хотя полного триумфа в борьбе с ними добиться не удалось, успехи, достигнутые в этих направлениях, особенно в борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, оказались в высшей мере впечатляющими. А по мере того, как люди на собствен-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 08-06-90104-Мол_а.

¹ К примеру, Ф. Фукуяма выделяет науки о мозге, нейрофармакологию, исследования в области prolongation of life and genetic engineering в качестве таких «путей в будущее», неконтролируемое движение по которым может в корне изменить природу человека (см.: Fukuyama, F. *Our Postmodern Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. – N. Y.: Farrar, Strauss and Giroux, 2002). (For example, F. Fukuyama marks brain sciences, neuropharmacology, researches in the field of life prolongation and genetic engineering as such 'ways to the future', uncontrollable movement of which can change human nature radically (see: Fukuyama, F. *Our Postmodern Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. – New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2002).

ном житейском опыте ощущали те эффекты, которые порождены этими научными достижениями, все более разнообразными и настойчивыми становились и их запросы и вожеления, адресованные науке. Ее растущая практическая эффективность в тех областях, которые ближе всего к повседневным нуждам и интересам рядового человека, таким образом, начинает действовать в роли стимула, ориентирующего и ускоряющего ее собственное развитие.

Параллельно с этими изменениями приоритетов научно-технической политики сходная переориентация происходит и в сфере бизнеса, который весьма преуспел в перенаправлении исследовательских интересов на создание того, что будет привлекательным именно для массового потребителя. И характерно, что как раз те отрасли индустрии, которые теснее других связаны с медициной – фармацевтическая промышленность, медицинское приборостроение, биотехнологические производства, – оказались в числе наиболее успешных. Таким образом, люди во все большей мере становятся потребителями знаний, технологий и продуктов, создаваемых в биомедицинских исследованиях и на соответствующих промышленных предприятиях.

Научные исследования и бизнес все более интенсивно подстегивают друг друга, порождая и непрестанно обновляя технологии, которые благодаря массированному воздействию рекламы настойчиво навязываются рядовому человеку. Тенденция коммерциализации науки подкрепляется и усиливается тенденцией «онаучивания» бизнеса, включающего исследовательскую лабораторию в качестве уже едва ли не обязательного подразделения сколько-нибудь успешной фирмы. Исследование в современной науке – это в подавляющем большинстве случаев вовсе не стремление построить какую-то новую оригинальную теорию, а попытка создать эффективную технологию с хорошими рыночными перспективами.

Интересно сопоставить процессы переключения приоритетов науки в область биомедицины с тем, что происходило и происходит в области информатики и компьютерных технологий. Здесь ключевым моментом стало создание персонального компьютера, который стремительно вытеснил громоздкие и сложные в управлении ЭВМ прошлого. И опять-таки мы видим ту же самую тенденцию – современные технологии подходят все ближе к человеку, радикально меняя стиль его жизни, а вместе с тем и его восприятие мира, и формы и направления его взаимодействия с миром.

В этой связи имеет смысл обратить внимание и на следующее. Если в начале и середине прошлого столетия техническая мощь человека ассоциировалась прежде всего с циклопическими размерами его творений, таких как гидроэлектростанция, атомоход, шагающий экскаватор, гигантские электронно-счетные машины, то в наши дни наиболее характерные символы технического прогресса стали соразмерны человеку. К их числу относятся и все то быстро разрастающееся многообразие информационных технологий, которые реализуются в масштабах персонального компьютера, и биомедицинские технологии, которые по определению сомасштабны человеку и сегодня позволяют осуществлять манипуляции с генами человека на молекулярном уровне.

Таким образом, научно-технический прогресс все более ориентируется на интересы и нужды отдельного человека, который выступает в качестве главного и притом массового потребителя того, что дает этот прогресс. Но более того, сами эти интересы и нужды теперь становятся стимулом, во многом определяющим направления и темпы научно-технического прогресса.

Такое приближение науки к нуждам человека, впрочем, происходит отнюдь не безболезненно – за все приходится платить. Одна из наиболее серьезных составляющих этой платы – то, что возникает необходимость специально исследовать и сами потребности и нужды человека, и пути и способы их удовлетворения. А это, в свою очередь, означает и возникновение насущной потребности в проведении все новых и новых экспериментов на человеке – именно для того, чтобы выяснить, как можно улучшить условия его жизни. Сам человек, таким образом, все чаще становится объектом самых разнообразных научных исследований.

Таким образом, научные исследования во все больших масштабах направляются на познание, с одной стороны, самых разных способов воздействия на человека и, с другой стороны, возможностей самого человека. Наиболее характерным выражением и того и другого, естественно, оказываются многочисленные эксперименты, в которых человек участвует в качестве испытуемого. Каждый такой эксперимент, вообще говоря, призван расширить наши познания о свойствах того или иного препарата, устройства, метода воздействия на человека и т. п. Необходимость его проведения при этом бывает обусловлена потребностями развития какого-то конкретного раздела биологии или медицины, или другой области знания.

Если, однако, попытаться представить себе что-то вроде интегральной совокупности таких экспериментов (взятых безотносительно к дисциплинарной определенности каждого из них), то окажется, что она дает нам некое знание о человеке. Мы можем констатировать: чем больше наука претендует на то, что она служит интересам и благу человека, тем более значительную роль в ней должны играть эксперименты с участием человека. Но участие в таких экспериментах всегда сопряжено с бóльшим или меньшим риском для испытуемых. Таким образом, мы оказываемся в ситуации конфликта интересов: с одной стороны, исследователь, стремящийся к получению нового знания; с другой стороны, испытуемый, для которого на первом месте – терапевтический эффект, скажем, излечение недуга, ради чего, собственно, он и соглашается стать испытуемым.

И в той мере, в какой именно на человеке начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой наукой разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым он подвергается. Следовательно, актуализируется задача защиты того же самого человека, ради которого и осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий этого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них.

Разумеется, наиболее отчетливо обозначенные нами тенденции проявляются в странах с развитой экономикой и высоким научно-техническим потенциалом. Вместе с тем сегодня, в век глобализации, научно-технические новации, и особенно те, которые ориентированы непосредственно на человека, довольно быстро достигают и самых отдаленных уголков планеты. И это справедливо не только в отношении тех новых возможностей, которые открываются для человека благодаря этим достижениям, но и в отношении неблагоприятных воздействий, факторов риска, очень часто порождаемых теми же самыми достижениями.

В последние десятилетия в сфере биомедицинских исследований оформилась новая социальная практика, направленная именно на то, чтобы по возможности предвидеть и минимизировать риски и тяготы, которым подвергается человек, ко-

гда он становится участником таких исследований. Эта практика получила название *этической экспертизы*. Суть ее в том, что *каждый* исследовательский проект может осуществляться только после того, как заявка будет одобрена независимым *этическим комитетом*. Эта структура создается и существует именно для того, чтобы проводить этическую экспертизу.

Главная цель такой экспертизы – определить, с каким риском для испытуемых может быть связано их участие в исследовании и оправдан ли этот риск значимостью тех новых научных знаний, ради которых предпринимается исследование. Речь, стало быть, идет об одном из механизмов защиты участников исследований. Таким образом, можно зафиксировать то, что этическая экспертиза (в отличие от гуманитарной), во-первых, проводится в рамках специально для этого создаваемой и существующей структуры – этического комитета и, во-вторых, имеет достаточно четко определенные цели. Этические комитеты существуют в каждом научном учреждении, проводящем биомедицинские исследования с участием человека или животных. Во многих странах мира (но пока, увы, не в России) необходимость предварительной этической экспертизы исследований закреплена законодательно.

Особой проблемой в проведении этической экспертизы является обеспечение *независимости* осуществляющей ее структуры, то есть *этического комитета*. Эта проблема имеет много аспектов, остановлюсь лишь на одном из них. Независимость экспертизы предполагает, в частности, и то, что оценка риска для испытуемых не должна определяться исключительными интересами науки и общества. Как отмечается в Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации – одном из наиболее авторитетных документов, в которых излагаются этические принципы медицинских исследований: «В медицинских исследованиях на человеке соображения, связанные с благополучием испытуемого, должны превалять над интересами науки и общества»². Данная норма фигурирует и в других документах, обеспечивающих этическое и правовое регулирование биомедицинских исследований. Тем самым признается, что их проведение сопряжено с возможным конфликтом интересов, когда на одной чаше весов оказываются здоровье, благополучие, человеческое достоинство и даже сама жизнь испытуемого, а на другой – перспективы получения новых научных знаний, потенциально важных для развития науки и (или) для борьбы с теми или иными болезнями, что может быть важно с точки зрения общества.

Для того, чтобы способствовать соблюдению этого принципа и, более конкретно, обеспечивать – насколько это возможно – независимость позиции этического комитета от интересов исследователей, в числе членов этого комитета *обязательно* должны быть те, кто не является профессиональными медиками. Иначе говоря, в состав комитета входят как эксперты, компетентные в собственно научном содержании исследовательского проекта, так и «эксперты», не являющиеся профессионалами (по-английски – *laypersons*) в биомедицине.

Для первых важнее всего научная обоснованность проекта, что, между прочим, имеет весьма существенный этический смысл. Ведь если в силу тех или иных причин исследование не сможет принести достоверных и значимых результатов, то это значит, что испытуемые будут подвергаться необоснованному риску и тяго-

² Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. В кн.: Кэмпбелл, А., Джиллет, Г., Джонс, Г. Медицинская этика. – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. – С. 382. (Declaration of Helsinki of the World Medical Association. In the book: Campbell, A., Gillett, G., Jones, G. Medical ethics. – Moscow: GEOTAR-MED, 2004. – P. 382).

там. Естественно, речь не идет о том, чтобы загодя гарантировать получение весомого научного результата, – исследовательская деятельность по своей природе исключает возможность таких гарантий. Тем не менее, проект исследования должен быть достаточно продуманным и обоснованным, чтобы дать возможность получения существенных результатов.

Что касается непрофессионалов, то они должны представлять интересы не науки и не исследователей, а именно тех, кто участвует в исследовании в качестве испытуемых. Непрофессионал, или человек со стороны, может быть юристом, специалистом по этике, психологом, социальным работником, священником и т. п.³ Важно только, чтобы он никак не был связан с исследователями и с учреждением, проводящим исследование, и, таким образом, оценивал смысл и содержание исследования именно с точки зрения тех рисков и тягот, которыми оно чревато для испытуемых. Более того, особой проблемой оказывается сохранение у непрофессионалов той «наивности», неискушенности в отношении собственно научных вопросов, которая позволяет им оставаться неангажированными при участии в экспертизе.

Одним из следствий участия в этической экспертизе непрофессионалов является то, что цели и задачи исследования, связанный с ним риск, наличие альтернативных методов диагностики или терапии и т. д. – все это должно быть объяснено в таких терминах, которые будут понятны непрофессионалу. Необходимость такого «непрофессионального» объяснения обусловлена еще и тем, что для привлечения испытуемого к исследованию обязательным является получение его информированного согласия. Именно то обстоятельство, что непрофессионал в процессе экспертизы представляет интересы того человека, который будет участвовать в исследовании, и позволяет говорить о *гуманитарной* природе этической экспертизы. Эта экспертиза предназначена не для того, чтобы *решать что-то за человека*, а для того, чтобы *человек сам, и притом осознанно, мог участвовать в принятии затрагивающего его решения*.

Описанная здесь в самых общих чертах практика этической экспертизы, на мой взгляд, может (естественно, с соответствующими модификациями) быть понята как образец, как частный случай другой социальной практики, которую принято называть *гуманитарной экспертизой*. В этом отношении принципиальное значение имеет то, что выше было охарактеризовано как суть этической, а именно – ее направленность на защиту человека, оказывающегося в роли испытуемого при проведении биомедицинских исследований. Гуманитарную же экспертизу можно представить в качестве социальной практики, сутью которой является защита человека в той мере и в тех ситуациях, когда он подвергается воздействию (или, иначе говоря, когда ему приходится взаимодействовать) многочисленных новых технологий, включая технологии социальные.

Следовательно, область возможных применений гуманитарной экспертизы намного более широка и намного менее определена, чем более или менее жестко фиксированная область применения этической экспертизы. Далее я попытаюсь обрисовать некоторые аспекты этой неопределенности, имея при этом в виду, что

³ Так, во Франции этический комитет обычно включает 12 человек, в том числе представителей разных областей медицины, а также младшего медицинского персонала; 4 члена комитета должны быть непрофессионалами. (So, in France the ethics committee usually consists of 12 people, including representatives of different field of medicine, and also the junior medical personnel; 4 members of the committee have to be non-professionals).

сама по себе неопределенность отнюдь не всегда является недостатком, который следует как можно радикальнее изживать.

Во-первых, существует неопределенность по поводу того, чем является гуманитарная экспертиза, – особым родом, формой деятельности либо особым социальным институтом? Если согласиться с первым, то мы можем трактовать ее как деятельность принципиально незавершенную, как прежде всего форму диалога, взаимодействия, коммуникации (коммуникативная рациональность)⁴. При этом во главу угла ставится не столько конечный результат экспертизы, сколько процесс, в ходе которого участники приходят к более глубокому пониманию ценностей, мотивов действий и т. п. – и собственных, и своих оппонентов.

Во втором случае существенной, напротив, оказывается «конечность» экспертизы, которая должна приводить к принятию решений, поскольку сама она встроена в некоторые объемлющие структуры деятельности. При этом каждый отдельный эксперт выступает не столько в качестве одной из сторон диалога, сколько в качестве того, кто наделен определенной частью властных полномочий, распределенных между членами экспертной комиссии (комитета). Очевидно, рассматривавшаяся ранее этическая экспертиза относится ко второму типу ситуаций: целью является не столько коммуникация, сколько выработка окончательного решения. А это значит, что этическая экспертиза отнюдь не исчерпывает всех возможностей, которые несет в себе экспертиза гуманитарная.

Вообще говоря, было бы неверно трактовать гуманитарную экспертизу, скажем, какой-либо новой технологии как одноразовое мероприятие. Хотя во многих случаях одноразовой экспертизы и бывает достаточно, однако нередко не удается ограничиться только ею, а приходится отслеживать все новые и новые явления и эффекты, порождаемые данной технологией, оценивать вновь обнаруживающиеся ее возможности, как и факторы вызываемого ею риска.

Характерным примером в этом смысле является история компьютеризации, ее человеческих и социальных последствий. В этой истории можно уже выделять целые этапы, характерные сменой фокуса гуманитарного анализа, в котором последовательно оказывались то опасности порабощения человека машиной, то связанная с компьютеризацией угроза безработицы, то изменения человеческого интеллекта в процессах взаимодействия человека с компьютером и т. д.

Во-вторых, необходимо задаться вопросом о том, кто такой эксперт: изолированный профессионал или «рядовой обыватель» (layperson)? Вот весьма характерное изложение первой позиции: «Эксперт – это хороший аналитик, подлинный ученый-исследователь, блестящий администратор... Эксперт – это исследователь назначенного предмета, профи в данной области, искусный и мудрый оценщик, знаток нужной сферы, спец в определяемом научном и практическом пространстве, настоящий ас среди родственных профессионалов»⁵.

В этой характеристике обращает на себя внимание постулируемая исключительность не только профессиональных, но и личностных качеств. Вместе с тем

⁴ Скирбекк, Г. Есть ли у экспертизы этические основы? // Человек. – 1991. – № 1. – С. 86–93; Skirbekk, G. Rationality and Modernity. – Oslo: Scandinavian Univ. Press, 1993. (So, in France the ethics committee usually consists of 12 people, including representatives of different field of medicine, and also the junior medical personnel; 4 members of the committee have to be non-professionals).

⁵ Ярская, В. Н. Методология конструирующей экспертизы: опыт работы эксперта // Современное российское общество: власть экспертизы. – Саратов: Изд-во Саратовского мед. ун-та, 2003. – С. 7–15. (Yarskaya, V. N. Methodology of constructing examination: experience of an expert // Modern Russian society: power of examination. – Saratov: Saratov Medical University, 2003. – Pp. 7–15).

остается непонятным, кто и как будет оценивать наличие и степень выраженности у конкретного индивида всех этих качеств. Не предполагается ли при этом наличие особого класса «экспертов по экспертам», то есть тех, кто полномочен делать выбор среди совокупности кандидатов? Более того, во власти таких суперэкспертов неизбежно оказывается и установление «назначенного предмета», и выявление «нужной сферы», и задание «определяемого научного и практического пространства».

Мне представляется, что от участника гуманитарной экспертизы, вообще говоря, вовсе не обязательно требовать всех этих исключительных качеств. Более того, во многих случаях именно для гуманитарной экспертизы первостепенное значение имеет способность эксперта адекватно выразить интересы, надежды и опасения того самого «рядового обывателя», о чем уже шла речь при обсуждении этической экспертизы. Например, сегодня в обществе идут острые дискуссии о модернизации (или реформировании) образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. п. На мой взгляд, принципиальная ограниченность многих таких дискуссий обусловлена тем, что в них участвуют только «спецы» с их ведомственно задаваемым и очерчиваемым кругозором. Между тем крайне ограниченными оказываются возможности представить свои позиции у тех, на кого, собственно, эти модернизации и реформы направлены и кто непосредственно на себе будет испытывать последствия этих реформ.

В качестве конкретного примера более широкого понимания экспертизы мы можем сослаться на опыт проведения в 1994–1995 гг. междисциплинарной экспертизы, объектом которой было содержание гуманитарного образования в средней школе⁶. Экспертиза проводилась в рамках программы «Трансформация содержания гуманитарного образования», осуществлявшейся фондом «Культурная инициатива». В качестве экспертов намеренно были привлечены специалисты-гуманитарии, не связанные непосредственно со школьным преподаванием. Это было сделано для того, чтобы выявить представления не столько профессиональных педагогов (на которых не может не сказываться груз устоявшихся стереотипов), сколько более широкого, «экстрапедагогического» гуманитарного сообщества, так как в условиях глубоких реформ, переживаемых нашим образованием, необходим более широкий и объемный взгляд на содержание гуманитарных знаний, преподаваемых будущим поколениям россиян.

Экспертам, представлявшим такие дисциплины, как история, экономика, этика, политология, культурная география, экология, право, философия и т. д., было предложено ответить на вопросы, касающиеся:

- общей оценки сложившейся системы гуманитарного образования и его содержания;
- определения того, что в рамках учебных курсов утратило актуальность, а также «лакун», то есть тех фрагментов гуманитарного знания, которые, по мнению экспертов, обязательно должны быть усвоены школьниками, но отсутствуют в нынешних программах и учебных курсах;
- выявления «сквозных» тем, освещение которых не может быть ограничено рамками какого-то одного учебного предмета.

Благодаря проведенной экспертизе удалось сформулировать конкретные предложения по поводу изменений, которые необходимо внести в содержание школьного гуманитарного образования.

⁶ Рубцов, А. В., Юдин, Б. Г. Новые ориентиры гуманитарного образования // Человек. – 1995. – № 2–4. (Rubtsov, A. V., Yudin, B. G. New orientations of humanitarian education // Man. – 1995. – No. 2–4).

В-третьих, с только что рассмотренной неопределенностью тесно связана еще одна. Коль скоро мы говорим о *гуманитарной* экспертизе, естественно задаться вопросом: является ли она гуманитарной в смысле применяемого инструментария либо в смысле решаемых ею задач?

В первом случае имеется в виду следующее: экспертизу делает гуманитарной то, что в качестве экспертов выступают представители различных областей гуманитарного знания. Аргументация при этом бывает примерно такой. Каждая из гуманитарных (или, может быть, социально-гуманитарных) дисциплин так или иначе изучает человека, но при этом каждая из них воспринимает его в своем контексте. Иначе говоря, каждая из них по-своему конструирует человека как предмет изучения. В результате в дисциплинарных рамках человек осмысливается в соответствующей перспективе: как «*Homo economicus*», «*Homo sociologicus*» и т. п. Таким образом, та или иная, в общем-то, частная по отношению к нему квалификация мыслится как его всеобщее определение, как *differentia specifica*. Гуманитарная же экспертиза, будучи междисциплинарной, позволяет преодолеть эти ограничения.

Вызывает, однако, сомнения то, удастся ли при этом отойти от предметного (будь оно даже «межпредметным») восприятия человека. Мне представляется, что гуманитарный характер экспертизы можно и нужно понимать иначе – в смысле ее отнесенности к человеку как таковому, который выступает в этом случае как своего рода «точка отсчета».

Разумеется, при этом возникает вопрос о том, можно ли (и если да, то какими средствами) отойти от предметного восприятия человека? У меня нет готового ответа, но я думаю, что средством выхода за рамки такого сугубо предметного понимания человека является открытая и, разумеется, методологически проработанная апелляция к ценностным установкам эксперта. Взаимодействие экспертов при этом будет выступать как сопоставление и взаимодействие не только различных сфер знания, но и различных (и притом эксплицированных!) ценностных позиций в отношении к человеку. В таком случае можно надеяться, что гуманитарная экспертиза будет экспертизой *не по поводу человека*, а экспертизой *для человека*.

В-четвертых, имеет смысл задаться таким вопросом: а что является объектом гуманитарной экспертизы – тот или иной *предмет*, который воздействует на человека и с которым человеку приходится так или иначе взаимодействовать, либо технология как нечто включающее не только предмет, но прежде всего возможные способы взаимодействия с ним?⁷

Наиболее естественно понимать в качестве объекта гуманитарной экспертизы прежде всего научно-технические или социальные новации. Однако здесь необходимы некоторые уточнения и пояснения. Вообще говоря, всякое новшество, входящее в нашу жизнь, в социальную практику, можно рассматривать как некоторый «предмет» (даже при фигуральном понимании этого термина применительно, скажем, к социальной жизни). Такое «предметоцентрическое» понимание, впрочем, нередко оказывается чересчур узким, теперь уже в силу не столько того, что человек при этом отодвигается на второй, если угодно, служебный, план, сколько того, что это новшество, помимо того, что оно есть определенный предмет, предполагает также и определенные способы, практики его применения, оперирования с ним и т. п.

⁷ Ашмарин, И. И., Юдин, Б. Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. – 1997. – № 3. – С. 76–86. (Ashmarin, I. I., Yudin, B. G. Basics of humanitarian expert report // Man. – 1997. – No. 3. – Pp. 76–86).

И на личностном, и на социальном уровне именно эта сторона дела и является наиболее существенной, поскольку последствия для человека и общества обычно порождает не сам предмет, а сопряженные способы взаимодействия с ним, те результаты, к которым ведут эти наши взаимодействия, и, наконец, те изменения в нас самих, которые вызываются этими взаимодействиями. Иначе говоря, мы имеем дело не столько с самими по себе предметами, сколько с сопряженными технологиями.

Впрочем, не только в онтологическом, но и в методологическом отношении в процессе гуманитарной экспертизы имеет смысл обращаться не к предметам, а к технологиям, поскольку лишь при таком подходе мы можем осмысленно выделять и факторы риска, и те параметры, на которые можно воздействовать и которые можно изменять. Именно технологии – в отличие от изолированных предметов – обладают теми свойствами комплексности и целостности, которые и позволяют их рассматривать в качестве объектов при проведении гуманитарной экспертизы. (Замечу, что в качестве технологий, подвергающихся экспертизе, могут выступать и социальные нововведения, например, решения законодательной или исполнительной власти, дающие начало новым *социальным практикам*, то есть новым формам взаимоотношений между людьми и социальными институтами, причем таких, которые носят не разовый характер, а воспроизводятся в сходных ситуациях.)

Имеет смысл далее обсудить вопрос о происхождении, если угодно, об источниках тех технологических новаций, которые могут быть объектами гуманитарной экспертизы. Ясно, что одним из таких источников является научно-технический прогресс, который, безусловно, вносит немало нового в жизнь человека. Но и эти новшества воздействуют не сами по себе, а в тех социально и культурно опосредованных формах, в которых они и доходят до человека. Именно эти опосредующие формы во многом и определяют воздействие научно-технических новаций на человека, на его развитие и потенциал, именно поэтому они и должны быть главным объектом экспертизы.

Другой источник технологических новаций – сама социальная практика. Здесь необходимо особо выделить технологии, порождаемые решениями и действиями властных структур. По отношению к ним применение предваряющей гуманитарной экспертизы представляется вполне естественным, а во многих случаях и просто необходимым, поскольку позволяет предвидеть и скорректировать как прямые, так и опосредованные, отдаленные неблагоприятные последствия.

Таким образом, гуманитарная экспертиза сегодня – это феномен, имеющий множество неопределенностей. Именно это обстоятельство я и стремился подчеркнуть в данной статье. Более того, мне представляется принципиально важным исходить из максимально широкого понимания гуманитарной экспертизы, налагая на него там и тогда, где и когда это необходимо, те или иные ограничения. В конечном счете любой анализ, направленный на оценку всех тех воздействий, которые оказывает на человека новая технология, можно воспринимать именно в таком качестве. А это значит, что, вообще говоря, каждый, кто начинает размышлять о социальных и человеческих последствиях применения новой технологии, выступает в роли эксперта.

При таком оперировании понятием гуманитарной экспертизы какие-то из описанных в статье (как и многих других) неопределенностей, видимо, в дальнейшем будут разрешены. Вместе с тем многие из них, на мой взгляд, внутренне присущи гуманитарной экспертизе как особому виду деятельности. Сомнений в том, что эта

деятельность становится и будет становиться все более социально значимой, у меня нет. Более того, осуществляемая в тех или иных формах гуманитарная экспертиза уже сегодня представляется мне необходимой составляющей нашего человеческого бытия, коль скоро нам приходится жить в современном глобализирующемся мире, подверженном разнообразным и чрезвычайно интенсивным воздействиям множества технологий.